

АНАРХИЗМ

ЭММА ГОЛЬДМАН

Сочинения одного из лидеров мирового
анархического движения начала XX века

Эмма Гольдман

**Анархизм. Сочинения одного из
лидеров мирового анархического
движения начала XX века**

«Центрполиграф»

1920

УДК 66.1(2)53-195
ББК 329.285

Гольдман Э.

Анархизм. Сочинения одного из лидеров мирового анархического движения начала XX века / Э. Гольдман — «Центрполиграф», 1920

ISBN 978-5-227-10247-8

В книгу вошли наиболее яркие эссе американской писательницы и политической активистки Эммы Гольдман (1869—1940 гг.), словом и делом боровшейся за социальную справедливость, равенство полов и всеобщее избирательное право. Эмигрировав из Российской империи, Гольдман принесла на американскую почву не только гуманистические идеалы русской интеллигенции, но и революционные идеи русских анархистов. В своих статьях публицистка ставит вопросы о положении женщин и институте брака, рассуждает об истинных целях анархизма и пагубном влиянии на личность и общество любых форм эксплуатации. Сочинения предваряет биографический очерк, написанный Ипполитом Гавелом, другом и соратником Эммы Гольдман. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 66.1(2)53-195
ББК 329.285

ISBN 978-5-227-10247-8

© Гольдман Э., 1920
© Центрполиграф, 1920

Содержание

Биографический очерк	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эмма Гольдман
Анархизм. Сочинения одного из
лидеров мирового анархического
движения начала XX века

EMMA GOLDMAN
ANARCHISM AND OTHER ESSAYS

Москва
ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

© Перевод, «Центрполиграф», 2023
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Биографический очерк

Пропаганда не «ремесло», как считают некоторые, никто не будет заниматься «ремеслом», требующим рабского труда и смерти в нищете. Мотивы каждого, занимающегося подобным делом, должны отличаться от мотивов ремесла, быть глубже гордыни и сильнее материальной заинтересованности.

Джордж Джейкоб Холиоук

Среди знаменитых мужчин и женщин американской общественной жизни мало кого упоминают чаще Эммы Гольдман. И все же настоящая Эмма Гольдман практически неизвестна. Падкая на сенсации пресса окружила ее имя таким большим количеством лжи и клеветы, что кажется едва ли не чудом, что, несмотря на эту паутину наветов, правда прорывается и начинает проявляться лучшее понимание этой настолько оклеветанной идеалистки. Мало утешения в том факте, что почти каждому представителю новой идеи приходилось бороться и страдать в одинаково трудных условиях. Путь пропагандиста социальной справедливости усеян терниями. Силы тьмы и несправедливости прикладывают все старания, чтобы луч солнца не проник в его безрадостную жизнь. Более того, даже его товарищи по борьбе – в действительности слишком часто его ближайшие друзья – проявляют мало понимания личности первопроходца. Зависть, порой перерастающая в ненависть, тщеславие и ревность, преграждают ему путь и наполняют его сердце печалью. Требуется непреклонная воля и огромный энтузиазм, чтобы не потерять в таких условиях всякой веры в Дело. Представитель революционной идеи стоит между двух огней: с одной стороны, преследование наличествующих властей, возлагающих на него ответственность за все действия, вытекающие из социальных условий, а с другой стороны, непонимание, демонстрируемое его собственными последователями, которые часто оценивают всю его деятельность с узкой точки зрения. Так случается, что агитатор стоит совершенно один среди окружавшей его толпы. Даже его ближайшие друзья редко понимают, насколько одиноким и покинутым он себя чувствует. В этом трагедия человека, пользующегося вниманием общественности.

Туман, которым так долго было окутано имя Эммы Гольдман, постепенно начинает рассеиваться. Ее энергия в популяризации такой непопулярной идеи, как анархизм, ее глубокая серьезность, ее мужество и таланты вызывают все большее понимание и восхищение.

Заслуги революционных изгнанников в деле американского интеллектуального роста никогда не были полностью оценены. Посеянное ими семя, пусть в ту пору и малопонятное, принесло богатый урожай. Они во все эпохи несли знамя свободы, оплодотворяя тем самым общественную жизненную силу страны. Однако очень немногим удалось сохранить свое европейское образование и культуру и в то же время ассимилироваться с американской жизнью. Среднестатистическому человеку трудно составить адекватное представление о том, сколько силы, энергии и упорства необходимо для усвоения незнакомого языка, привычек и обычаев новой страны без потери собственной личности.

Эмма Гольдман – одна из немногих, кто, полностью сохранив свою индивидуальность, стала важным фактором общественной и интеллектуальной атмосферы Америки. Жизнь ее богата красками, полна перемен и разнообразия. Она поднялась на самые вершины и также вкусила плоды горького отчаяния изнанки жизни.

Эмма Гольдман родилась в еврейской семье 27 июня 1869 года в Ковенской губернии. Наверняка родителям и в голову не приходило, какое уникальное положение когда-нибудь займет их ребенок. Как и все консервативные родители, они нисколько не сомневались, что их дочь выйдет замуж за добропорядочного гражданина, родит ему детей и доживет до конца

своих дней в окружении стайки внуков доброй, религиозной женщиной. Как и большинство отцов и матерей, они и не подозревали, какой странный, страстный дух овладеет душой их ребенка и вознесет ее на высоты, которые разделяют поколения в вечной борьбе. Они жили в той стране и в то время, когда антагонизму между отцами и детьми суждено было обрести свое самое острое выражение непримиримой вражды. В этой чудовищной борьбе отцов и сыновей – и особенно родителей и дочерей – не могло быть ни компромисса, ни малейшей уступки, ни перемирия. Дух свободы, прогресса, идеализм, не знающий ограничений и не признающий препятствий, гнал молодое поколение из родительского дома, от домашнего очага. Как когда-то этот самый дух изгнал революционера – возбудителя недовольства Иисуса и оттолкнул его от родных традиций.

Какую роль евреи – несмотря на все антисемитские поклепы, народ трансцендентального идеализма – сыграл в борьбе Ветхого и Нового, вероятно, никогда не будет оценено с полной беспристрастностью и ясностью. Только сейчас мы начинаем понимать, в каком огромном долгу перед еврейскими идеалистами в области науки, искусства и литературы. Но еще очень мало известно о той важной роли, которую сыновья и дочери Израиля сыграли в революционном движении, и особенно в современную эпоху.

Первые годы детства Эммы Гольдман прошли в маленьком идиллическом местечке в немецко-русской провинции Курляндии, где ее отец заведовал государственной почтовой станцией. В то время Курляндия была полностью немецкой, даже российская бюрократия этой прибалтийской провинции вербовалась в основном из немецких *юнкеров*. Немецкие сказки и рассказы, богатые чудесными подвигами героических курляндских рыцарей, пленили юный ум. Однако красивая идиллия продлилась недолго. Вскоре на душу подрастающего ребенка упали темные тени жизни. Уже в самой нежной юности в сердце Эммы Гольдман явно упали семена бунта и неумолимой ненависти к угнетению. Она рано познавала прелести государства: она видела, как отца притесняли христианские *чиновники* и угнетали вдвойне – как мелкого чиновника и ненавистного еврея. Жестокость принудительного призыва всегда стояла перед ее глазами: она видела, как юношей, часто являвшихся единственной опорой большой семьи, жестоко волокли в казармы, обрекая на суровую солдатчину. Она слышала плач бедных крестьянок и была свидетельницей позорных сцен казенной продажности, освобождавшей богатых от военной службы за счет бедных. Ее возмущало ужасное обращение, которому подвергались служанки: истязаемые и эксплуатируемые своими *барынями*, оставлялись на милость полковых офицеров, считавших их своей естественной сексуальной добычей. Эти девушки, забеременевшие от респектабельных господ и изгнанные своими хозяйками, часто находили убежище в доме Гольдманов. И маленькая девочка, сердце которой трепетало от сочувствия, доставала из родительского ящика монеты, чтобы тайком сунуть деньги в руки несчастных женщин. Таким образом, самая поразительная черта Эммы Гольдман – ее сострадание к слабым – проявилась уже в эти ранние годы.

В возрасте семи лет маленькую Эмму родители отправили к бабушке в Кёнигсберг, город Иммануила Канта, в Восточной Пруссии. Если не считать случайных перерывов, она оставалась там до своего тринадцатилетия. Первые годы в этой среде не относятся к числу ее самых счастливых воспоминаний. Бабушка действительно была очень добра, но многочисленные тетушки в доме были озабочены скорее духом практического, нежели чистого разума, а категорический императив применялся слишком часто. Ситуация изменилась, когда в Кёнигсберг переехали ее родители, и маленькая Эмма освободилась от роли Золушки. Теперь она регулярно посещала государственную школу, а также пользовалась преимуществами частного обучения, обычного в жизни среднего класса; важную роль в учебной программе играли уроки французского и музыки. Будущая переводчица Ибсена и Шоу была тогда маленькой немкой Гретхен, которая чувствовала себя в немецкой атмосфере как дома. Ее особым литературным пристрастием были сентиментальные романы Марлитты, она была большой поклонницей доб-

рой королевы Луизы, с которой плохой Наполеон Бонапарт обращался со столь явным отсутствием рыцарского благородства. Каково было бы ее дальнейшее развитие, останься она в этой среде? Судьба – или экономическая необходимость? – пожелала иначе. Ее родители решили поселиться в Санкт-Петербурге, столице всемогущего царя, и там заняться бизнесом. Именно здесь в жизни юной мечтательницы произошла большая перемена.

Это был богатый событиями период – 1882 год, – когда Эмма Гольдман, которой тогда было 13 лет, приехала в Петербург. Борьба не на жизнь, а на смерть между самодержавием и русской интеллигенцией охватила всю страну. Александр II пал годом ранее. Софья Перовская, Желябов, Гриневицкий, Рысаков, Кибальчич, Михайлов, героические исполнители смертного приговора тирану, вошли тогда в Валгаллу бессмертия. Гесья Гельфман, единственная царевубийца, жизнь которой правительство неохотно сохранило из-за беременности, последовала за бесчисленными русскими мучениками в сибирские этапы. Это был самый героический период в великой освободительной битве, битва за свободу, равной которой мир еще не видел. Имена мучеников-нигилистов были у всех на устах, и тысячи людей с энтузиазмом последовали их примеру. Вся *интеллигенция* России была проникнута *нелегальным* духом: революционные настроения проникли в каждый дом, от особняка до лачуги, пропитывая военных, *чиновников*, фабричных рабочих и крестьян. Эта атмосфера пронизывала самые казематы царского дворца. У молодежи зародились новые идеи. Разница полов была забыта. Мужчины и женщины сражались плечом к плечу. Русская женщина! Кто когда-нибудь сможет воздать должное или достойно изобразить ее героизм и самопожертвование, ее верность и преданность? Тургенев в своем великом стихотворении в прозе «Порог» называет ее святой.

Юная мечтательница из Кёнигсберга неизбежно втянулась в водоворот. Оставаться вне круга свободных идей означало прозябание, смерть. Не следует удивляться ее юному возрасту. Молодые энтузиасты не были тогда редким явлением в России. Изучение русского языка вскоре познакомило юную Эмму Гольдман с революционными студентами и новыми идеями. Место Марлитты заняли Некрасов и Чернышевский. Былая поклонница доброй королевы Луизы превратилась в пылкую поборницу свободы, решив, как и тысячи других, посвятить жизнь освобождению народа.

Борьба поколений теперь происходила в семье Гольдман. Родители не могли понять, какой интерес может найти их дочь в новых идеях, которые они сами считали фантастическими утопиями. Они старались отговорить девушку от этих химер, результатом чего стали ежедневно повторяющиеся душераздирающие споры. Лишь у одного члена семьи юная идеалистка нашла понимание – у старшей сестры Хелены, с которой она впоследствии эмигрировала в Америку и любовь и сочувствие которой никогда не подводили ее. Даже в самые мрачные часы последующих преследований Эмма Гольдман всегда находила убежище в доме этой верной сестры.

Эмма Гольдман наконец решила добиться независимости. Она видела, как сотни мужчин и женщин жертвовали блестящей карьерой, чтобы идти в *народ*. Она последовала их примеру. Она стала фабричной работницей, сначала делала корсеты, а затем и перчатки. Ей было 17 лет, и она гордилась тем, что зарабатывает себе на жизнь. Останься она в России, вероятно, рано или поздно разделила бы судьбу тысяч погребенных в сибирских снегах. Но для нее должна была начаться новая глава жизни. Сестра Хелена решила эмигрировать в Америку, где уже поселилась другая сестра. Эмма уговорила Хелену разрешить к ней присоединиться, и вместе они отправились в Америку, полные радостной надежды на великую свободную страну, славную республику.

Америка! Какое волшебное слово. Тоска поработанных, земля обетованная угнетенных, цель всех стремлений к прогрессу. Здесь нашли свое воплощение человеческие идеалы: ни царя, ни казаков, ни *чиновников*. Республика! Славный синоним равенства, свободы, братства.

Так думали две девушки, переезжая в 1886 году из Нью-Йорка в Рочестер. Скоро, слишком скоро их ждало разочарование. Идеальные представления об Америке пошатнулись еще в Касл-Гарденс и вскоре лопнули как мыльный пузырь. Здесь Эмма Гольдман стала свидетельницей зрелищ, напомнивших ей ужасные сцены ее детства в Курляндии. Бесчеловечность и унижения, которым подвергали будущих граждан великой республики на борту корабля, в более жестокой и отягчающей форме повторили в Касл-Гарденс официальные лица демократии. И какое последовало горькое разочарование, когда юная идеалистка стала знакомиться с условиями жизни новой страны! Вместо одного царя она нашла их десятки; на смену казаку пришел полисмен с дубинкой, а вместо русского *чиновника* — гораздо более бесчеловечный фабричный надсмотрщик.

Эмма Гольдман вскоре получила работу в пошивочном цеху «Гарсон К°». Заработная плата составляла два с половиной доллара в неделю. В то время фабрики не были моторизованы, и бедным швеям приходилось толкать колеса ногами, с раннего утра до поздней ночи. Это был страшно изнурительный труд, без единого лучика света, каторжная работа долгого дня велась в полном молчании — русский обычай дружеской беседы за работой в свободной стране был непозволителен. Но эксплуатация девушек была не только экономической — бригадиры и начальники смотрели на бедных наемных рабочих как на сексуальный товар. Если девушку возмущали ухаживания «начальства», она быстро оказывалась на улице как нежелательный элемент на фабрике. В добровольных жертвах на ее место недостатка не было: предложение всегда превышало спрос.

Ужасные условия делались еще невыносимее вследствие страшной скуки жизни в маленьком американском городке. Пуританский дух подавляет малейшее проявление радости, мертвящая тупость омрачает душу, невозможно никакое интеллектуальное вдохновение, никакой обмен мыслями между родственными духами. В этой атмосфере Эмма Гольдман чуть не задохнулась. Больше всего она жаждала идеального окружения, дружбы и понимания, товарищества родственных душ. Мысленно она по-прежнему жила в России. Незнакомая с языком и жизнью страны, она больше пребывала в прошлом, чем в настоящем. Именно в этот период она познакомилась с молодым человеком, говорившим по-русски. С большой радостью завязалось знакомство. Наконец-то появился человек, с которым она могла разговаривать, кто мог помочь ей преодолеть скуку узкого существования. Дружба постепенно крепла и в конце концов завершилась свадьбой.

Эмме Гольдман тоже пришлось пройти печальный путь супружеской жизни, она тоже должна была познать на горьком опыте, что нормы закона означают зависимость и самоуничтожение, в особенности для женщины. Брак не был освобождением от пуританской тоски американской жизни, на самом деле он усугубился потерей возможности распоряжаться собой. Характеры молодых слишком сильно отличались. Вскоре последовало расставание, и Эмма Гольдман уехала в Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Там она нашла работу на фабрике, а муж исчез с ее горизонта. Два десятилетия спустя федеральным властям суждено было неожиданно ей о нем напомнить.

Революционеры, активно участвовавшие в русском движении 1880-х годов, были мало знакомы с социальными идеями, волновавшими тогда Западную Европу и Америку. Их единственная деятельность состояла в просвещении народа, а конечной целью было уничтожение самодержавия. Социализм и анархизм были понятиями, едва известными даже по названиям. Эмма Гольдман тоже была совершенно незнакома со значением этих идеалов.

В Америку она прибыла, как и четырьмя годами ранее в Россию, в период больших социальных и политических волнений. Трудящиеся восстали против ужасных условий труда; движение Орден рыцарей труда достигло своего апогея в борьбе за восьмичасовой рабочий день, и по всей стране разнесся гул кровавой борьбы между забастовщиками и полицией. Борьба завершилась крупной забастовкой против чикагской компании «Харвестер», массовым убий-

ством забастовщиков и судебным убийством профсоюзных лидеров, которые последовали за историческим взрывом бомбы на Хеймаркет. Анархисты выдержали мученическое испытание крещением кровью. Апологеты капитализма тщетно пытаются оправдать убийство Парсонса, Шпиона, Лингга, Фишера и Энгеля. После публикации причин, по которым губернатор Альтгельд освободил трех заключенных в тюрьму анархистов Хеймаркет, не осталось никаких сомнений в том, что в Чикаго в 1887 году было совершено пятикратное узаконенное убийство.

Очень немногие осознали значение мученичества в Чикаго, и менее всего правящие классы. Уничтожением ряда рабочих лидеров они надеялись остановить волну вдохновляющей мир идеи. Они не учли, что из крови мучеников вырастает новое семя и что ужасная несправедливость привлечет к Делу новообращенных.

Два виднейших представителя анархистской идеи в Америке, Вольтерина де Клер и Эмма Гольдман, одна коренная американка, другая русская, были обращены, как и многие другие, в идеи анархизма через судебное убийство. Две женщины, прежде не знавшие друг друга и получившие совершенно разное образование, этим убийством сплотились в одной идее.

Как и большинство работающих мужчин и женщин Америки, Эмма Гольдман с большим беспокойством и волнением следила за судом в Чикаго. Она тоже не могла поверить, что вожди пролетариата будут убиты. 11 ноября 1887 года научило ее другому. Она понимала, что от господствующего класса невозможно ждать пощады, что между царизмом России и плутократией Америки нет никакой разницы, кроме названия. Все ее существо восстало против преступления, и она дала себе торжественную клятву вступить в ряды революционного пролетариата и посвятить всю свою энергию и силы освобождению его от наемного рабства. С пламенным энтузиазмом, столь характерным для ее натуры, она начала знакомиться с литературой социализма и анархизма. Она посещала общественные собрания и знакомилась с социалистически и анархически настроенными рабочими. Йоханна Грей, известный немецкий лектор, была первым оратором-социалистом, которого услышала Эмма Гольдман. В Нью-Хейвене, штат Коннектикут, где она работала на корсетной фабрике, она познакомилась с анархистами, активно участвующими в движении. Здесь она читала «Фрайхайд» под редакцией Джона Моста. Трагедия на Хеймаркет развила присущие ей анархистские наклонности; чтение «Фрайхайд» сделало ее сознательной анархисткой. Впоследствии она узнала, что идея анархизма обрела свое высшее выражение среди лучших умов Америки: теоретически – Джосаи Уоррена, Стивена Перла Эндрюса, Лисандра Спунера; философски – Эмерсона, Торо и Уолта Уитмена.

Заболев от чрезмерного напряжения фабричной работы, Эмма Гольдман вернулась в Рочестер, где оставалась до августа 1889 года, когда переехала в Нью-Йорк, где началась важнейшая фаза ее жизни. Ей было двадцать лет. Лицо, бледное от страдания, большие глаза, полные сочувствия, отличают ее человеческий образ тех дней. Волосы у нее, как принято у русских студенток, коротко подстрижены, открывая мощный лоб.

Это героическая эпоха воинствующего анархизма. Не по дням, а по часам движение росло во всех странах. Несмотря на жесточайшие правительственные преследования, ряды новообращенных пополняются. Пропаганда носит почти исключительно тайный характер. Репрессивные меры правительства толкают сторонников новой философии на конспиративные методы. Тысячи жертв попадают в руки властей и томятся в тюрьмах. Но ничто не может остановить прилив энтузиазма, самопожертвования и преданности Делу. Усилия таких учителей, как Петр Кропоткин, Луиза Мишель, Элизе Реклю и другие, вдохновляют преданных бороться с еще большей энергией.

Разрушение неизбежно для социалистов, которые пожертвовали идеей свободы и подняли на щит государство и политику. Борьба ожесточенная, фракции непримиримы. Эта борьба ведется не только между анархистами и социалистами, она отзывается и в анархистских группах. Теоретические разногласия и личные разногласия ведут к раздорам и ожесточенной вражде. Антисоциалистическое законодательство Германии и Австрии погнало тысячи соци-

алистов и анархистов за моря в поисках убежища в Америке. Джон Мост, потеряв место в рейхстаге, в конце концов вынужден был бежать из родной страны и отправился в Лондон. Там, перейдя к анархизму, он полностью порвал с социал-демократической партией. Позже, приехав в Америку, он продолжил издание «Фрайхайт» в Нью-Йорке и развил большую деятельность среди немецких рабочих.

Когда Эмма Гольдман приехала в Нью-Йорк в 1889 году, она с легкостью связалась с активными анархистами. Собрания анархистов были почти ежедневным явлением. Первым лектором, которого она услышала на анархистской платформе, был доктор Х. Золотарёв. Большое значение для ее дальнейшего развития имело знакомство с Джоном Мостом, оказавшим огромное влияние на молодежь. Его страстное красноречие, неутомимая энергия и преследование, которому он подвергся за Дело, – все это в совокупности приводило товарищей в восторг. Также в этот период она познакомилась с Александром Беркманом, дружба с которым сыграла важную роль в ее жизни. Ее таланты оратора не могли долго оставаться в тени. Огонь энтузиазма вывел ее на общественную трибуну. Поощряемая друзьями, она начала участвовать в качестве оратора на собраниях анархистов на немецком и идиш. Вскоре последовал короткий агитационный тур, доведший ее до Кливленда. Со всей силой и серьезностью своей души она бросилась в пропаганду анархистских идей. Начался страстный период ее жизни. Несмотря на постоянную работу на потогонном производстве, пламенный молодой оратор одновременно была очень активным агитатором и участвовала в различных рабочих движениях, в частности в крупной забастовке занятых в пошиве плащей швейников в 1889 году, которую возглавили профессор Гарсайд и Джозеф Барондес.

Год спустя Эмма Гольдман была делегатом анархистской конференции в Нью-Йорке. Она была избрана в Исполнительный комитет, но позже вышла из него из-за разногласий по тактическим вопросам. Идеи немецкоязычных анархистов в то время еще не прояснились. Некоторые продолжали верить в парламентские методы, подавляющее большинство из них были сторонниками сильного централизма. Эти разногласия в отношении тактики привели в 1891 году к разрыву с Джоном Мостом. Эмма Гольдман, Александр Беркман и другие товарищи присоединились к группе «независимых», в которой активную роль играли Йозеф Пойкерт, Отто Ринке и Клаус Тиммерман. Ожесточенные споры, последовавшие за этим отделением, прекратились только со смертью Моста в 1906 году.

Большим источником вдохновения для Эммы Гольдман оказались русские революционеры, входившие в группу «Знамя». Членами группы были Гольденберг, Золотарёв, Заметкин, Миллер, Каган, поэт Эделыптадт, Иван фон Шевич, муж Елены фон Раковица и редактор «Фольксцайтунг», а также многие другие русские эмигранты, некоторые из них живы до сих пор. В это же время Эмма Гольдман встретила Роберта Рейтцеля, немецко-американским Гейне, оказавшим большое влияние на ее развитие. Через него она познакомилась с лучшими писателями современной литературы, и начавшаяся таким образом дружба продолжалась до самой смерти Рейтцеля в 1898 году.

Рабочее движение Америки не утонуло в чикагской бойне, убийство анархистов не принесло мира жадному до наживы капиталисту. Борьба за восьмичасовой рабочий день продолжалась. В 1892 году вспыхнула большая забастовка в Питтсбурге. Хоумстедская стачка, поражение боевиков-пинкертоновцев, появление милиции, подавление забастовщиков и полное торжество реакции – дело сравнительно недавней истории. Взволнованный до глубины души ужасными событиями на арене войны, Александр Беркман решил пожертвовать своей жизнью. Делу и тем самым преподать наемным рабам Америки наглядный урок активной анархистской солидарности с трудом. Его покушение на Фрика, питтсбургского Гесслера, потерпело неудачу, и двадцатидвухлетний юноша был обречен на медленное, в течение двадцати двух лет умирание в исправительном учреждении. Буржуазия, десятилетиями превозносившая и восхвалявшая тираноубийство, теперь исполнилась страшной яростью. Капиталистическая пресса

организовала систематическую кампанию клеветы и искажения фактов против анархистов. Полиция приложила все усилия, чтобы привлечь Эмму Гольдман к делу Александра Беркмана. Опасного агитатора нужно было всеми средствами заставить замолчать. Только благодаря тому обстоятельству, что она находилась в Нью-Йорке, ей удалось избежать тисков закона. Девять лет спустя похожее обстоятельство, во время инцидента с Мак-Кинли, сыграло важную роль в сохранении ее свободы. Почти невероятно, с какой глупостью, низостью и подлостью журналисты того времени стремились сокрушить анархистку. Достаточно просмотреть газетные подшивки, чтобы осознать чудовищность обвинений и клеветы. Трудно передать, какие душевные терзания испытала Эмма Гольдман в те дни. Преследования капиталистической прессы анархистка должна была переносить с относительной невозмутимостью, но атаки из рядов товарищей были куда болезненнее и невыносимее. Поступок Беркмана подвергся резкой критике со стороны Моста и некоторых его сторонников из числа немецких и еврейских анархистов. Последовали ожесточенные обвинения и взаимные упреки на публичных и частных собраниях. Преследуемая со всех сторон, как за то, что она защищала Беркмана и его действия, так и за свою революционную деятельность, Эмма Гольдман подвергалась преследованиям вплоть до невозможности найти убежище. Слишком гордая, чтобы искать безопасности в отрицании себя, она предпочитала проводить ночи в общественных парках, чем подвергать своих друзей опасности или ставить в затруднительное положение своими посещениями. И без того горькая чаша была переполнена попыткой самоубийства молодого товарища, жившего в одной квартире с Эммой Гольдман, Александром Беркманом и общим другом-художником.

С тех пор произошло много изменений. Александр Беркман пережил пенсильванский ад и снова вернулся в ряды воинствующих анархистов, его дух не сломен, а душа полна энтузиазма по поводу идеалов юности. Товарищ художник теперь в числе известных иллюстраторов Нью-Йорка. Кандидат на самоубийство покинул Америку вскоре после своей неудачной попытки умереть, а впоследствии был арестован и приговорен к восьми годам каторжных работ за контрабанду анархистской литературы в Германию. Он тоже выдержал ужасы тюремной жизни и вернулся к революционному движению, заработав в Германии заслуженную репутацию талантливого писателя.

Чтобы избежать бесконечных ночевки в парках, Эмме Гольдман в конце концов пришлось переехать в дом на Третьей улице, где жили исключительно проститутки. Там, среди изгоев нашего доброго христианского общества, она могла хотя бы снять комнату и отдохнуть, а также поработать за швейной машинкой. Уличные женщины проявляли больше деликатности и искреннего сочувствия, чем священники церкви. Но человеческая выносливость была истощена чрезмерными страданиями и лишениями. Произошел полный физический срыв, и известного агитатора перевели в «Чешскую республику» – большой многоквартирный дом, получивший свое благозвучное название из-за того, что его жильцами были в основном богемские анархисты. Здесь Эмма Гольдман нашла друзей, готовых ей помочь. Юстус Шваб, один из лучших представителей немецкого революционного периода того времени, и доктор Золотарёв были неутомимы в уходе за больной. Здесь она также познакомилась с Эдвардом Брейди, и новая дружба впоследствии переросла в тесную близость. Брейди был активным участником революционного движения Австрии и на момент знакомства с Эммой Гольдман недавно вышел из австрийской тюрьмы после десятилетнего заключения.

Врачи диагностировали у нее чахотку, и больной посоветовали покинуть Нью-Йорк. Она отправилась в Рочестер, в надежде, что домашний круг поможет вернуть ей здоровье. Ее родители за несколько лет до этого эмигрировали в Америку, поселившись в этом городе. К числу ведущих черт еврейства относится сильная семейная привязанность, и в особенности между родителями и детьми. Хотя ее консервативные родители не могли сочувствовать идеалистическим устремлениям Эммы Гольдман и не одобряли ее образ жизни, они приняли больную дочь с распростертыми объятиями. Отдых и забота в родительском доме, а также ободряющее при-

существование любимой сестры Хелены оказались настолько благотворными, что за короткое время она настолько поправилась, что сумела возобновить активную деятельность.

В жизни Эммы Гольдман нет покоя. Непрекращающиеся усилия и постоянное стремление к задуманной цели составляют сущность ее натуры. Слишком много драгоценного времени уже было потрачено впустую. Ей необходимо было немедленно возобновить свою работу. Страну одолевал кризис, тысячи безработных толпились на улицах крупных промышленных центров. Холодные и голодные, они бродили по земле в тщетных поисках работы и хлеба. Анархисты развернули усиленную пропаганду среди безработных и забастовщиков. Чудовищная демонстрация бастующих занятых в пошиве плащей швейников и безработных прошла на Юнион-сквер в Нью-Йорке. Эмма Гольдман была одним из приглашенных докладчиков. Она произнесла страстную речь, в пламенных словах обрисовав нищету жизни наемного раба, и процитировала знаменитое изречение кардинала Мэннинга: «Нужда не знает закона, и голодающий имеет естественное право на толику хлеба ближнего». Она закончила свое выступление словами: «Требуйте работы. Если не дают работы, требуйте хлеба. Если не дадут ни работы, ни хлеба, то берите хлеб».

На следующий день она уехала в Филадельфию, где должна была выступить перед народом. Капиталистическая печать снова забила тревогу. Если бы социалистам и анархистам разрешили продолжать агитацию, возникла бы прямая опасность того, что рабочие скоро научатся понимать, каким образом они лишаются радости и счастья жизни. Такую возможность следовало предотвратить любой ценой. Начальник полиции Нью-Йорка Бирнс получил судебный ордер на арест Эммы Гольдман. Она была задержана властями Филадельфии и на несколько дней заключена в тюрьму Мойменсинг в ожидании документов об экстрадиции, получить которые Бирнс поручил детективу Джейкобсу. Этот Джейкобс (с которым Эмма Гольдман несколько лет спустя встретила снова при очень неприятных обстоятельствах) предложил ей, возвращая ее, задержанную, в Нью-Йорк, предать дело трудового народа. От имени своего начальника, шефа Бирнса, он посулил щедрое вознаграждение. Как глупы порой бывают мужчины! Какая бедность психологической наблюдательности, чтобы вообразить себе возможность предательства со стороны молодой русской идеалистки, добровольно пожертвовавшей всеми личными соображениями ради помощи освобождению трудящихся.

В октябре 1893 года Эмма Гольдман предстала перед уголовным судом Нью-Йорка по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам. «Понятливые» присяжные проигнорировали показания двенадцати свидетелей защиты в пользу показаний одного человека – детектива Джейкобса. Она была признана виновной и приговорена к одному году заключения в тюрьме на острове Блэквелл. С момента основания Республики она была первой женщиной – не считая миссис Сарратт, – заключенной в тюрьму за политическое преступление.

Эмма Гольдман отбыла тюремный срок, работая медсестрой в тюремной больнице. Здесь она нашла возможность согреть лучами доброты мрачные жизни несчастных женщин, чьи уличные сестры двумя годами ранее не брезговали делить с ней кров. Она нашла в тюрьме возможность изучать английский язык и литературу, а также познакомиться с великими американскими писателями. В Брете Гарте, Марке Твене, Уолте Уитмене, Торо и Эмерсоне она нашла великие сокровища.

Она покинула остров Блэквелл в августе 1894 года, женщина двадцати пяти лет, развитая, зрелая и интеллектуально преобразованная. Вернулась, обогащенная опытом, очищенная страданием. Она больше не чувствовала себя покинутой и одинокой. Многие протянули ей руку приветствия. В то время в Нью-Йорке было множество интеллектуальных оазисов. Салун Юстуса Шваба в доме номер пятьдесят по Первой улице был центром, где собирались анархисты, литераторы и представители богемы. Среди прочих она также встретила в это время ряд американских анархистов и подружилась с Вольтериной де Клер, Уильямом Ч. Оуэном, мисс Ван Эттон и Дайером Д. Ламом, бывшим редактором «Аларма» и исполнителем послед-

ней воли чикагских мучеников. В лице Джона Суинтона, старого благородного борца за свободу, она нашла одного из своих самых верных друзей. Другими интеллектуальными центрами были «Солидэрити», издаваемая Джоном Эдельманом, «Либерти» анархиста-индивидуалиста Бенджамина Р. Такера; «Ребел» Гарри Келли; немецкое анархистское издание под редакцией Клауса Тиммермана «Дер Штурмвогель» и «Дер Арме Тойфель», главным гением которого был неподражаемый Роберт Рейцель. Через Артура Брисбена, теперь главного помощника Уильяма Рэндольфа Херста, она познакомилась с трудами Фурье. Брисбен тогда еще не утонул в болоте политической коррупции. Он отправил Эмме Гольдман любезное письмо на остров Блэквелл вместе с биографией своего отца, восторженного американского ученика Фурье.

Эмма Гольдман после выхода из тюрьмы стала важным фактором общественной жизни Нью-Йорка. В радикальных кругах ее ценили за преданность, идеализм и серьезность. Различные люди искали ее дружбы, а некоторые пытались убедить ее помочь в продвижении их особых частных вопросов. Так, преподобный Паркхерст в ходе расследования Лексоу сделал все возможное, чтобы побудить ее присоединиться к комитету общественной безопасности для борьбы с Таммани-Холл. Мария Луиза, движущий дух общественного центра, выступала в роли посредника Паркхерста. Вряд ли стоит упоминать, какой ответ получила последняя от Эммы Гольдман. Кстати, Мария Луиза впоследствии стала Махатмой. Во время кампании Движения за свободную чеканку серебряных монет Берджесс Маклаки, один из самых искренних деятелей забастовки в Хомстеде, посетил Нью-Йорк, пытаясь воодушевить местных радикалов на свободную чеканку серебряных монет. Он также пытался заинтересовать Эмму Гольдман, но с не большим успехом, чем Махатма Мария Луиза знаменитой Паркхёрст-Лексоуской кампанией.

В 1894 году борьба анархистов во Франции достигла наивысшего размаха. На белый террор республиканских парвеню ответил красный террор наших французских товарищей. Анархисты всего мира с лихорадочной тревогой следили за этой социальной битвой. Пропаганда делом нашла отклик почти во всех странах. Чтобы лучше ознакомиться с условиями в Старом Свете, Эмма Гольдман в 1895 году уехала в Европу. После лекционного тура по Англии и Шотландии она отправилась в Вену, где поступила в Альгемейне Кранкенхаус, чтобы подготовиться к работе в качестве акушерки и медсестры, а заодно изучить социальные условия. Она также нашла возможность ознакомиться с новейшей литературой Европы: произведениями Гауптмана, Ницше, Ибсена, Золя, Томаса Гарди и других художников-бунтарей, которых читали с большим энтузиазмом.

Осенью 1896 года она через Цюрих и Париж вернулась в Нью-Йорк. На руках был проект освобождения Александра Беркмана. Варварский приговор на двадцать два года тюрьмы вызвал огромное возмущение среди радикальных элементов. Было известно, что в деле Александра Беркмана Совет по помилованию Пенсильвании обратится за консультацией к Карнеги и Фрику. Поэтому было предложено обратиться к этим султанам Пенсильвании – не ради получения их милости, а с просьбой не пытаться повлиять на Совет. Эрнест Кросби предложил встретиться с Карнеги при условии, что Александр Беркман откажется от своего поступка. Однако это было совершенно исключено. Он никогда не был повинен в подобном отречении от собственной личности и самоуважения. Эти усилия привели к установлению дружеских отношений между Эммой Гольдман и кругом Эрнеста Кросби, Болтона Холла и Леонарда Эбботта. В 1897 году она предприняла свой первый большой тур с лекциями, который дотянулся до Калифорнии. Этот тур популяризировал ее имя как представителя угнетенных, ее красноречие звенело от побережья до побережья. В Калифорнии Эмма Гольдман подружилась с членами семьи Исаак и научилась ценить их усилия во благо Дела. Столкнувшись с огромными препятствиями, Исааки сначала издали «Фаербранд», а после его изъятия Почтовым департаментом – «Фри сесайти». Также во время этого тура Эмма Гольдман познакомилась с великим старым бунтарем за сексуальную свободу Мозесом Харманом.

Во время испано-американской войны дух шовинизма достиг наивысшего расцвета. Чтобы исправить эту опасную ситуацию и в то же время собрать средства для революционных кубинцев, Эмма Гольдман присоединилась к латинским товарищам, в том числе к Гори, Эстеве, Палавиччини, Мерлино, Петруччини и Ферраре. В 1899 году последовал еще один затяжной агитационный тур, закончившийся на Тихоокеанском побережье. Каждый пропагандистский тур был отмечен неоднократными арестами и обвинениями, хотя и без самых худших последствий.

В ноябре того же года неутомимый агитатор отправилась во второй тур с лекциями в Англию и Шотландию, завершив свой вояж первым Международным анархистским конгрессом в Париже. Это было во время англо-бурской войны, и вновь ура-патриотизм, как два года назад во время испано-американской войны устраивавший свои оргии, был в самом расцвете. Различные собрания, как в Англии, так и в Шотландии, срывала и разгоняла патриотически настроенная толпа. Эмма Гольдман нашла в этом случае возможность снова встретиться с различными английскими товарищами и интересными личностями, такими как Том Манн и сестры Россетти, одаренные дочери Данте Габриэля Россетти, в то время издатели журналов «Анархист», «Торч». Осуществилась одна из надежд ее жизни: она сблизилась с Петром Кропоткиным, Эррико Малатестой, Николаем Чайковским, В. Черкесовым, Луизой Мишель. Старые бойцы за благо человечества, чьи деяния воодушевили тысячи последователей по всему миру, чья жизнь и работа вдохновили другие тысячи людей на благородный идеализм и самопожертвование. Они старые бойцы, но вечно молодые отвагой прежних дней, не сломленные духом и полные твердой надежды на окончательный триумф Анархии.

Пропасть в революционном рабочем движении, возникающая в результате краха Интернационала, уже невозможно было преодолеть. Две социальные философии вели ожесточенную борьбу. Международные конгрессы в 1889 году в Париже, в 1892 году в Цюрихе и в 1896 году в Лондоне вызвали непримиримые разногласия. Большинству социал-демократов, отказавшихся от своего либертарианского прошлого и ставших политиками, удалось исключить делегатов-революционеров и анархистов. Последние решили отныне проводить отдельные съезды. Их первый съезд должен был состояться в 1900 году в Париже. Ренегат-социалист Мильеран, забравшийся в министерство внутренних дел, сыграл здесь роль Иуды. Съезд революционеров был запрещен, а делегаты разъехались за два дня до намеченного открытия. Однако Мильеран не возражал против социал-демократического съезда, который впоследствии открылся под все рекламные фанфары.

Однако ренегат не достиг своей цели. Некоторым делегатам удалось провести тайное совещание в доме товарища под Парижем, на котором обсуждались различные вопросы теории и тактики. Эмма Гольдман принимала активное участие в этих мероприятиях и по этому поводу вступила в контакт с многочисленными представителями анархистского движения Европы.

Из-за запрета конгресса делегатам грозила высылка из Франции. В это же время из Америки пришли плохие новости об очередной неудачной попытке освободить Александра Беркмана, что стало для Эммы Гольдман большим потрясением. В ноябре 1900 года она вернулась в Америку, чтобы посвятить себя профессии медсестры, одновременно принимая активное участие в американской пропаганде. Среди прочего она организовывала грандиозные митинги протеста против ужасных зверств испанского правительства над политическими заключенными, замученными в Монжуике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.